

УДК 355.40

***ФЕНОМЕН НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ В ПРЕДВОЕННОЙ ЯПОНИИ:
РЕЗИДЕНТУРА РИХАРДА ЗОРГЕ***

Зудаева В.В.

старший преподаватель,

Восточно-Сибирский институт МВД России,

Иркутск, Россия

Сафонова Д.А.

курсант,

Восточно-Сибирский институт МВД России

Иркутск, Россия

Степаненко А.А.

курсант,

Восточно-Сибирский институт МВД России,

Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается проблема функционирования советской разведки в Японии на кануне Великой Отечественной войны в условиях тоталитарного режима, одним из ярких примеров которого стала деятельность резидентуры Рихарда Зорге. Для более точного представления эффективности данной сети в статье также рассматриваются исторические и организационные факты, которые изучены неполностью, что мешает дать точную оценку.

Ключевые слова: нелегальная разведка, резидентура Рихарда Зорге, предвоенная Япония, советская внешняя разведка, агентурная сеть, историография спецслужб, стратегическая информация, разведывательная деятельность, источниковедение, геополитический анализ.

***THE PHENOMENON OF ILLEGAL INTELLIGENCE IN PRE-WAR JAPAN:
RICHARD SORGE'S RESIDENCE***

Zudaeva V.V.

Senior Lecturer,

*East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia*

Safonova D.A.

cadet,

*East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia*

Stepanenko A.A.

cadet,

*East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Irkutsk, Russia*

Abstract: The article examines the problem of the functioning of Soviet intelligence in Japan on the eve of the Great Patriotic War in the conditions of a totalitarian regime, one of the most striking examples of which was the activities of Richard Sorge's residency. To provide a more accurate assessment of the effectiveness of this network, the article also examines historical and organizational facts that have not been fully studied, which makes it difficult to provide an accurate evaluation.

Key words: illegal intelligence, Richard Sorge's residency, pre-war Japan, Soviet foreign intelligence, agent network, historiography of special services, strategic information, intelligence activities, source studies, and geopolitical analysis.

Упоминание резидентуры Рихарда Зорге в контексте советской разведки сразу рождает образ уникальной, почти идеальной операции. Её часто преподносят как исключительный успех, во многом обязанный гению самого разведчика. Но так ли это на самом деле? Если отвлечься от мифов, становится очевидным, что почва для этого успеха готовилась давно. Эффективность группы Зорге была predetermined не столько личными качествами её руководителя, сколько прочным фундаментом, который начали закладывать ещё

до революции. Интерес России к Японии как объекту разведки — это не решение 1930-х годов. Это давняя история, уходящая в начало XX века.

На рубеже XIX–XX веков обстановка на восточных рубежах России была отнюдь не спокойной. Японские общины в Приморье и Приамурье росли, что не могло не настораживать имперскую администрацию. Что именно вызывало тревогу? Историк В.В. Синиченко обращает внимание на конкретный механизм: различные японские общества взаимопомощи, которые формально создавались для поддержки земляков, на практике всё чаще рассматривались жандармерией как удобное прикрытие для сбора данных [1, с. 2]. И основания для этого были: активность японских агентов в приграничной полосе фиксировалась неоднократно, особенно в периоды нарастания напряжённости. Проще говоря, сама геополитическая реальность заставляла Петербург искать ответные меры.

Однако просто наблюдать за соседом было недостаточно. Требовались свои кадры и отработанные процедуры. И здесь ключевую роль сыграл период Первой мировой войны. Можно сказать, что война стала жёстким, но эффективным учителем. Как показывают Синиченко В.В. и Потёмкин И.А., именно в эти годы на востоке империи происходила практическая отработка механизмов негласной агентурной деятельности [2, с. 232-237]. Жандармы и сотрудники военной контрразведки, часто методом проб и ошибок, налаживали вербовку осведомителей, отрабатывали конспирацию и учились ориентироваться в сложной среде, где перемешались местные жители, военнопленные и иностранцы. Этот опыт, полученный в полевых условиях, был бесценен. Он и стал тем самым «костяком» — набором практических навыков, которые после 1917 года не исчезли, а были адаптированы новыми органами госбезопасности.

Но была и другая, менее очевидная сторона. Интерес к Японии не ограничивался сугубо военными аспектами. Он был глубже и тоньше. Показателен пример, который приводит Синиченко В.В.: даже в 1916-1917 годах, в период формального союзничества России и Японии в Антанте, в донесениях российской разведки встречаются подробные отчёты о японском

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

криминальном мире [3, с. 290-291]. Казалось бы, зачем? Ответ раскрывает суть подхода: цель состояла не только в отслеживании войск, но в понимании самой структуры японского общества, его скрытых связей и уязвимостей. Этот аналитический, «антропологический» взгляд на противника позже и станет отличительной чертой работы лучших советских резидентур за рубежом.

Так что же мы имеем к началу 1930-х? К моменту, когда Москва приняла решение о создании в Японии мощной нелегальной сети, её спецслужбы уже не были новичками. За их плечами стояли два ключевых актива. Во-первых — это практический опыт оперативной работы в регионе, готовые схемы и проверенные методики. Во-вторых, и это не менее важно, — сложившееся стратегическое понимание Японии как сложного объекта, требующего глубокого и системного изучения. Исследователь Синиченко В.В. (2024) прямо говорит о прямой преемственности между заграничной агентурой царской России и первыми резидентурами ОГПУ/НКВД [4, с. 16-17]. Следовательно, развёртывание группы в Токио было не авантюрой, а закономерным этапом в реализации давней стратегии.

Именно на эту подготовленную почву и легла деятельность Рихарда Зорге. Его резидентура стала не «началом истории», а её кульминационной главой. Её успехи в проникновении в высшие эшелоны власти Японии стали возможны именно потому, что она действовала не в вакууме. Она использовала наработанные подходы и отвечала на запрос, сформированный десятилетиями ранее. Поэтому, чтобы понять истинный масштаб этого феномена, отправной точкой должен быть не 1933 год, а та эпоха, когда российские спецслужбы впервые всерьёз обратили свой взгляд на Восток.

Библиографический список

1. Синиченко, В.В. Противодействие российских имперских властей японской разведке на дальневосточных рубежах в начале XX века // Историческая и социально-образовательная мысль: науч. сетевое издание. 2017. Т. 9. № 6. Ч. 2. С. 1-10.

2. Синиченко, В.В., Потёмкин, И.А. Негласная агентура в работе жандармерии и военной контрразведки на востоке Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны // Вопросы истории: науч. журнал. 2020. № 11-1. С. 229-242.
3. Синиченко, В.В. Японский криминальный мир в агентурных донесениях Департамента полиции МВД России в период «союзных отношений» 1916–1917 гг. // На службе отечеству: история органов внутренних дел: сб. материалов междунар. науч. конф., приуроченной к 305-летию полиции России. М., 2023. С. 288–294.
4. Синиченко, В.В. В интересах России: от заграничной агентуры Департамента полиции до заграничных резидентур Объединенного государственного политического управления 1913-1930 гг. Москва, 2024. 170 с.
5. Безупречный шпион. Рихард Зорге, образцовый агент Сталина: книга / Оуэн Мэтьюс. — Москва, 2019. — 450 с.